

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.3.134-144

Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В.,
Шульгин С.Г., Быканова Д.А.

Почему пожилые люди более религиозны, чем молодые? Когортные и возрастные факторы, или будущее религиозных ценностей в экономически развитых странах

Исследование поддержано грантом РФФ, проект No 17-78-20096

А.В. Коротаяев

Шульгин С.Г.

Ю.В. Зинькина

Д.А. Быканова

Аннотация. Вопрос о том, чем можно объяснить большую религиозность пожилых людей, вплоть до настоящего времени и не решён: происходит ли это в силу возрастного или когортного эффекта. Нами предпринята попытка оценить относительный вклад когортного и возрастного эффектов в большую религиозность пожилых при помощи многофакторной модели, в которой переменные, описывающие религиозные ценности, зависят от переменных возраста и когорты и контролируются на пол респондентов, уровень образования, семейное положение, положение на рынке труда/занятость и уровень дохода, по материалам многолетнего глобального социологического проекта «Всемирное обследование ценностей» для экономически развитых стран за 1981–2014 год. Результаты нашего анализа заставляют предполагать, что в экономически развитых странах последних десятилетий большая религиозность пожилых в большей степени объясняется именно возрастным, а не когортным эффектом – когортный эффект здесь тоже играет статистически значимую роль, но возрастной эффект оказывается значительно более сильным (то есть люди в этих странах реально с возрастом становятся более религиозными, и одним лишь когортным эффектом большую религиозность пожилых здесь объяснить никак нельзя). Из этого вытекает важный вывод – старение населения в развитых странах может замедлить там завершение перехода от религиозных к секулярным ценностям и даже привести к некоторому росту общего уровня религиозности населения, что мы, похоже, уже и видим по некоторым показателям в некоторых странах, наиболее далеко продвинувшихся в процессах старения своего населения (и, прежде всего, в Японии).

Ключевые слова: религиозность, возраст, секуляризация, когортный эффект, возрастной эффект, глобальное старение, экономически развитые страны

Andrey V. Korotayev, Julia V. Zinkina,
Sergey G. Shulgin, Daria A. Bykanova

*The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation,
project № 17-78-20096*

Why Are Elder People More Religious than the Youth? Cohort and Age Factors, or the Future of Religious Values in High Income OECD Countries

Abstract. The fact that elder people are more religious than younger ones was noticed long ago. However, what are the causes of this phenomenon? Is it the fact that people really become more religious with aging (i.e. age effect)? Or the fact that under the influence of social macro trends more religious generations are replaced with less and less religious ones (i.e. the so-called “cohort effect”)? This question is not resolved so far. We have attempted to assess the relative contribution of cohort and age effect in the higher religiosity of the elderly through a multi-factor model in which variables describing religious values depend on those of age and cohort and are controlled for respondents’ gender, level of education, marital status, position in the labor market/employment and income, according to the data of global sociological project World Values Survey for high income OECD countries in 1981–2014. The results of our

analysis suggest that in these countries in the recent decades the higher religiosity of the elderly is accounted for by the age factor to a substantially greater extent than by the cohort effect – cohort effect plays a statistically significant role, but the age effect is much stronger (that is, people in these countries really become more religious with aging, and one in no way can explain the greater religiosity of the elderly by the cohort effect only). This implies an important conclusion: the population ageing in the high income OECD countries may slow down the transition from religious to secular values and even lead to some increase in the general level of religiosity; and we seem to already see some symptoms of this in some countries that have advanced in the population ageing process (particularly, in Japan).

Key words: religiosity, ageing, secularization, cohort effect, age effect, global ageing, high income OECD countries

Коротаев Андрей Витальевич – доктор исторических наук, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации и ведущий научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы; 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1; akorotayev@gmail.com

Andrey V. Korotayev – DSc (History), Head of the Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks and Senior Research Scientist at International Research Laboratory for Demography and Human Capital; National Research University Higher School of Economics, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571; akorotayev@gmail.com

Шульгин Сергей Георгиевич – кандидат экономических наук, заместитель заведующего международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы; 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1; sergey@shulgin.ru

Sergey G. Shulgin – PhD (Economics), Deputy Director at International Research Laboratory for Demography and Human Capital at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571; sergey@shulgin.ru

Зинькина Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, стажер-исследователь факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1; juliazin@list.ru

Julia V. Zinkina – PhD (World History), Senior researcher at the International Research Laboratory for Demography and Human Capital, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Assistant Researcher at Lomonosov Moscow State University; 82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571; juliazin@list.ru

Быканова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы; 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1; bykanova-da@ranepa.ru

Daria A. Bykanova – Junior researcher at International Research Laboratory for Demography and Human Capital, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571; bykanova-da@ranepa.ru

Введение

Уже достаточно давно было замечено, что пожилые люди более религиозны, чем молодые. Однако явление это может иметь два основных объяснения. С одной стороны, это может объясняться тем, что люди с возрастом в тенденции становятся более религиозными. Однако здесь возможно и совсем другое альтернативное объяснение.

Действительно, вполне можно представить себе такую ситуацию, когда люди с возрастом более религиозными не становятся, но при этом более пожилые люди оказываются значимо более религиозными, чем молодые. Действительно, в подавляющем большинстве современных обществ наблюдается очень выраженная долгосрочная тенденция к секуляризации, т.е. к снижению роли религии в жизни людей. Поэтому более пожилые люди, воспитывавшиеся в обстановке, когда религия была более значимой, будут в тенденции более религиозными, чем молодые (воспитывавшиеся в обстановке, где значимость религии была значительно меньше), даже если их религиозность совсем и не выросла. Этот эффект и называется когортным.

Необходимо отметить, что исследование связи различных аспектов религиозности и старения привлекало пристальное внимание учёных еще с 50-х гг. прошлого века начиная с первопроходческой работы Д. Мoberга [Moberg, 1953]. Уже в 1960-х гг. было показано, что среди людей старших возрастов вера в Бога была

более распространена, чем среди молодых; в каждой возрастной группе от 18–24 до 65 доля верующих последовательно возрастала [Riley, Foner, 1968]. Многие последующие исследования, построенные как на кросс-секционных, так и на лонгитюдных данных, подтвердили этот результат, показав, что различные показатели религиозности повышаются с возрастом [см., например, Argue, Johnson, White, 1999; Levin, Taylor, Chatters, 1994; Levin, Taylor, 1997; Bergan, McConatha, 2001].

Рост религиозности с возрастом находит несколько взаимодополняющих научных объяснений. Так, С. Хорнинг с коллегами утверждает, что пожилые люди используют религиозные практики как способ справиться с сильным стрессом, сопровождающим поздние этапы жизненного цикла (наличие серьёзного или даже смертельного заболевания, осознание близости собственной смерти, смерть партнёра и т.д.); как источник смысла жизни, в том числе способ найти смысл в стрессовых или травматичных ситуациях; а также как внешний локус контроля – постепенная утрата внутреннего контроля над собственной жизнью может компенсироваться передачей такого контроля вовне, некоей третьей стороне, в качестве которой у верующих людей выступает Бог. Наконец, религиозность может выступать в качестве источника социальной поддержки; было показано, что люди, регулярно посещающие церковную службу, имеют более обширные сети социальных связей [Horning *et al.*, 2011; Siegel *et al.*, 2001]. Для объяснения роста религиозности с возрастом чрезвычайно полезна также иерархия потребностей, удовлетворяемых религией, предложенная Н. Краузе, – потребность в выходе за пределы своего «Я», потребность в социальности, потребность в контроле, потребность в смысле жизни [Krause, 2011].

Однако, хотя повышение религиозности с возрастом можно считать в значительной мере уже установленным научным фактом, относительно подоплеки этого явления до сих пор ведутся дискуссии. Как уже упоминалось выше, одним из наиболее спорных моментов остаётся соотношение когортного и собственно возрастного эффекта. Как верно замечает С. Макфадден, модель жизненного цикла предполагает, что развитие происходит в изменяющемся социальном контексте и на фоне прохождения времени; соответственно, «факторы, связанные с возрастом, историей и когортой динамически взаимодействуют во времени» [McFadden, 1999, 1086].

К сожалению, кросс-секционные данные, на которых строятся многие исследования старения и религиозности, не дают возможности отделить возрастной эффект от когортного эффекта [этот немаловажный аспект отмечали, в частности, Cox, Hammonds, 1989; Wang *et al.*, 2014; Zimmer *et al.*, 2016]. Одни исследователи склоняются в пользу гипотезы о том, что люди становятся более религиозными по мере вступления в более старшие возрастные группы [Markides, 1983; Moberg, 2005; Wink, Dillon, 2001]; другие полагают, что современные старшие поколения выросли в эпоху, когда религия была намного более значимой, чем сейчас, и, усвоив её ценность и важность в детстве, они продолжают «транслировать» их в настоящее время – т.е. имеет место когортный эффект [Wilhelm, Rooney, Tempel, 2007].

Однако вплоть до настоящего времени систематического исследования, направленного на количественную оценку соотношения возрастного и когортного эффектов в росте различных проявлений религиозности с возрастом проведено не было. Отдельные работы, существующие в этом научном поле, дают смешанную картину. Так, одно из ранних исследований тенденций секуляризации общества показало, что у всех 10-летних когорт, рождённых в период с 1885–1894 гг. по 1925–1934 гг., пик посещаемости религиозных служб приходился на период между 1950 и 1960 гг., а после 1965 г. этот показатель снижался [Wingrove, Alston, 1971, 1974]. На первый взгляд, это явление можно отнести на счёт эффекта момента времени; однако Р. Виттер с коллегами справедливо отмечает, что здесь могут иметь место также и возрастной, и когортный эффекты [Witter *et al.*, 1985]. Всемирно известные исследователи ценностей Р. Инглхарт и К. Вельцель, опираясь на эмпирические данные о религиозности в различных возрастах, полученные в рамках Всемирного обследования ценностей [World Values Survey, 2016], утверждают, что различия в религиозности между людьми разных возрастов должны быть отнесены исключительно на счёт когортного эффекта и процессов секуляризации общества [Инглхарт, Вельцель, 2011, 143–172]. Напротив, исследователи Д. Плоч и Д. Хастингс на

материале другого обследования длительностью в 20 лет не обнаружили в повышенном уровне религиозности среди лиц старших возрастов ни когортного эффекта, ни эффекта момента времени [Ploch, Hastings, 1994]. Наконец, ещё одна работа, изучавшая посещения церквей в США, обнаружила смешанное действие двух эффектов – возрастной эффект должен был бы приводить к росту посещаемости религиозных учреждений по мере старения «бэби-бумеров», но он нивелировался процессом смены поколений, поскольку младшие поколения демонстрировали меньшую религиозность, чем старшие, в силу когортного эффекта [Miller, Nakamura, 1996].

В данной статье мы предпринимаем попытку разделить систематически влияние когортного и возрастного эффекта.

Методы и материалы

Для разделения возрастного и когортного эффекта нами была использована следующая методика.

Мы оцениваем многофакторную модель (1), в которой переменные, описывающие ценности, зависят от переменных возраста и когорты и контролируются на пол респондентов, уровень образования (численное значение от 1 до 8), семейное положение (категориальная переменная), положение на рынке труда/занятость (категориальная переменная), уровень дохода (численная переменная), также мы контролируем на все 45 страно-волн с помощью соответствующих фиктивных переменных.

$$Value = \beta_0 + \beta_1 age + \beta_2 cohort + \beta_3 education + \beta_4 sex + \beta_5 income + \sum_{m=2}^8 \gamma_m D_m + \sum_{l=2}^8 \delta_l D_l + \sum_{cw=2}^{45} \mu_{cw} D_{cw} + e,$$

где *value* – ответ респондента относительно его представления о ценностях; *age*, *cohort*, *education*, *sex*, *income* – переменные, описывающие возраст, когорту, образование, пол и доход для каждого респондента;

D_m, D_l, D_{cw} – фиктивные (дамы) переменные для соответствующих уровней семейного положения, положения на рынке труда и принадлежности к одной из 45 страно-волн;

$\beta, \gamma, \delta, \lambda$ – коэффициенты уравнения регрессии, численные оценки которых получаются в результате оценки данной модели на данных.

В данной работе нас будут интересовать численные значения (и значимость) коэффициентов β_1 и β_2 – описывающие влияние на зависимую переменную (переменную ценностей) возраста и когорты.

Описание данных

Проанализированы данные многолетнего глобального социологического проекта «Всемирное обследование ценностей» [World Values Survey, 2016] с 1-й по 6-ю волну WVS. Мы используем лонгитюдный файл данных¹ (WVS 2016). Использована подвыборка респондентов обоих полов из стран-членов ОЭСР с высоким уровнем дохода (подгруппа экономически развитых стран). Выбор этот был обусловлен тем простым обстоятельством, что только для этих стран мы имеем достаточную временную глубину наблюдений. В данных WVS представлены 16 стран, подпадающих под эту категорию: Австралия, Великобритания, Германия, Израиль, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Япония.

Таблица 1 – Распределение респондентов по странам, годам и волнам опросов

№ волны	Число респондентов	Число обследований	Страны (годы)
1	3435	3	Австралия (1981), Финляндия (1981), Япония (1981)
2	3921	3	Япония (1990), Испания (1990), Швейцария (1989)
3	14510	11	Австралия (1995), Финляндия (1996), Германия (1997), Великобритания (1998), Япония (1995), Новая Зеландия (1998), Норвегия (1996), Испания (1995), Швеция (1996), Швейцария (1996), США (1995)

№ волны	Число респондентов	Число обследований	Страны (годы)
4	6901	5	Канада (2000), Израиль (2001), Япония (2000), Испания (2000), США (1999)
5	18535	15	Австралия (2005), Канада (2006), Финляндия (2005), Франция (2006), Германия (2006), Великобритания (2005), Италия (2005), Япония (2005), Нидерланды (2006), Новая Зеландия (2004), Норвегия (2007), Испания (2007), Швеция (2006), Швейцария (2007), Соединенные Штаты (2006),
6	13336	8	Австралия (2012), Германия (2013), Япония (2010), Нидерланды (2012), Новая Зеландия (2011), Испания (2011), Швеция (2011), США (2011)
ВСЕГО	60638	45	

Описание переменных

Уровень образования (X025)

Численная переменная, описываемая от 8 уровней

- 1: Неполное начальное образование
- 2: Завершённое (обязательное) начальное образование
- 3: Неполная средняя школа: техническое / профессиональное образование / (обязательное) начальное образование и базовая профессиональная квалификация
- 4: Полная средняя школа: технический / профессиональный тип / Среднее, среднее профессиональное образование
- 5: Неполное среднее: университетский подготовительный тип / среднее, промежуточная общая квалификация
- 6: Полное среднее: подготовительный тип / полное среднее, сертификат уровня зрелости
- 7: Некоторый университет без степени / высшее образование – третичный сертификат нижнего уровня
- 8: Университет со степенью / высшее образование – высший уровень третичного сертификата

Семейное положение (X007)

Категориальная переменная (7 дами переменных, и категория 1-женат – является базовой категорией)

- 1: Женат/замужем
- 2: Живут совместно с супругом/супругой
- 3: Разведён
- 4: Живут раздельно
- 5: Овдовевший
- 6: Не замужем / не женат
- 7: Разведённый, Живут раздельно или овдовел
- 8: Живут отдельно, но находятся в постоянных отношениях (в браке или сожительстве)

Положение на рынке труда/занятость (X028)

Категориальная переменная

- 1: Полная занятость
- 2: Очно-заочное обучение
- 3: Самостоятельно занятые
- 4: Пенсионер
- 5: Домохозяйка
- 6: Студенты
- 7: Безработный
- 8: Другое

Уровень дохода (переменная X047)

Численная переменная от 1 (самый нижний уровень) до 11 (самый высокий уровень)

Модель когорты (cohort_index):

Когорты и возраст кодируются упорядоченной (ordered) переменной

1 [1890,1915)

2 [1915,1925)

3 [1925,1935)

4 [1935,1945)

5 [1945,1955)

6 [1955,1965)

7 [1965,1975)

8 [1975,1985)

9 [1985,2000]

Модель возраста (age_index):

1 [15,25)

2 [25,35)

3 [35,45)

4 [45,55)

5 [55,65)

6 [65,75)

7 [75,85)

8 [85,100]

Результаты работы по разведению возрастного и когортного эффекта

Проведённый нами анализ показывает, что, по крайней мере, в экономически развитых странах, данные по которым нами были проанализированы, люди, действительно, в тенденции с возрастом становятся более религиозными, и когортным эффектом различия здесь между пожилыми и молодыми можно объяснить лишь очень частично².

Таблица 2 – Вклад возрастного и когортного эффектов в различия в приверженности молодых и пожилых респондентов религиозным ценностям

Индекс	Описание (англ)	Описание (рус)	ageR	cohort
1. A040	Important child qualities: religious faith: Not mentioned (0) / Important (1)	Качества, которые важно воспитывать в детях: религиозная вера: Не упоминается (0) / Важно (1)	0,038 (0,0324)	-0,0206 (0,253)
2. F050	Believe in: God: No (0) / Yes (1)	Верите в Бога: Нет (0) / Да (1)	0,0809 (0,0011)	0,0089 (0,724)
3. A098	Active/Inactive membership of church or religious organization: Not a member (0) / Active member (2)	Активное / Неактивное членство в церкви или религиозной организации: Не является членом (0) / Активный участник (2)	0,0485 (0,0087)	-0,0299 (0,11)
4. A173	How much freedom of choice and control: None at all (1) / A great deal (10)	Насколько вы чувствуете свободу выбора и контроля над своей жизнью: Нет вообще (1) / Много (10)	-0,0374 (0,0431)	-0,0218 (0,247)
5. F034_1/3	Religious person: A religious person (1) / A convinced atheist (0)	Религиозность: Религиозный человек (1) / Убедительный атеист (0)	0,0814 (0,0005)	-0,0232 (0,329)
6. A006	Important in life: Religion: Very important (1) / Not at all important (4)	Важно в жизни: Религия: Очень важна (1) / Совсем не важна (4)	-0,1077 (0)	0,0427 (0,016)

Индекс	Описание (англ)	Описание (рус)	ageR	cohort
7. E069_01	Confidence: Churches: A great deal (1) / None at all (4)	Доверие: Церкви: в высокой степени (1) / вообще нет (4)	-0,0735 (0)	0,0365 (0,042)
8. F028	How often do you attend religious services: More than once a week (1) / Never practically never (8)	Как часто вы посещаете религиозные службы: более раза в неделю (1) / Никогда практически никогда (8)	-0,0608 (0,0008)	0,0491 (0,008)
9. F063	How important is God in your life: Not at all important (1) / Very important (10)	Насколько важен Бог в вашей жизни: совсем не важен (1) / Очень важен (10)	0,0731 (0)	-0,0482 (0,006)

Всего нами было исследовано девять переменных, характеризующих религиозные ценности респондентов, данные по которым собирались во все шесть волн проведения глобального проекта *World Values*. Для пяти из них статистически значимым оказывается только возрастной эффект, в то время как когортный эффект оказывается статистически незначимым. Речь идёт о следующих переменных.

Согласно проведённому нами анализу, в экономически развитых странах с действием возрастного, а не когортного эффекта связано то обстоятельство, что пожилые респонденты здесь в значимо большей степени, чем молодые, считают, что в детях важно воспитывать религиозность (A040); что пожилые значимо чаще, чем молодые, говорят, что они верят в Бога (F050) и что они религиозные люди, а не атеисты (F034_1); что пожилые значительно чаще, чем молодые, принимают участие в деятельности церковных или других религиозных организаций (A098) (отметим, впрочем, что в данном случае когортный эффект находится на грани статистической значимости). Именно возрастным фактором объясняется тот факт, что молодые люди в большей степени склонны считать, что они контролируют свою жизнь, с возрастом же растёт уверенность в том, что жизнь свою респонденты контролируют отнюдь не полностью (A173), что, как мы могли это видеть выше, напрямую связано с большей религиозностью последних.

Кроме того, для целого ряда связанных с религией переменных действие когортного эффекта хотя и значимо, но значительно слабее, чем действие эффекта возрастного. Так, в экономически развитых странах с действием в большей степени возрастного, чем когортного эффекта связано то обстоятельство, что пожилые в значимо большей степени, чем молодые считают религию (A006) и Бога (F063) значимыми в своей жизни; что пожилые более доверяют церкви (E069_01) и чаще посещают религиозные службы (F028).

Ни одной связанной с религиозностью переменной, для которой был бы значим только когортный (но не возрастной) фактор, или даже для которой когортный фактор был бы сильнее и значимее возрастного, нами обнаружено не было.

Таким образом, наши результаты могут рассматриваться в качестве эмпирического аргумента в пользу тех исследователей, которые объясняют большую религиозность пожилых прежде всего именно возрастным эффектом; вместе с тем, они не отрицают и определённой значимости и эффекта когортного.

Обсуждение и заключение

Итак, проделанный нами эмпирический анализ заставляет предполагать, что люди в тенденции с возрастом, действительно, становятся более религиозными. По крайней мере, в экономически развитых странах в 1980–2015 гг. прослеживалась статистически значимая тенденция к тому, что респонденты с возрастом всё в большей степени были склонны утверждать:

- 1) что они верят в Бога;
- 2) что они не атеисты;
- 3) что они принимают участие в деятельности церковных или других религиозных организаций;
- 4–5) что они считают религию и Бога значимыми в своей жизни;

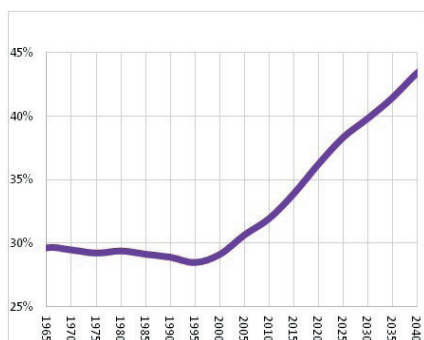
- 6) что они посещают религиозные службы;
- 7) что они доверяют церкви;
- 8) что жизнь свою они контролируют отнюдь не полностью;
- 9) что в детях важно воспитывать религиозность.

Отметим, что в половине случаев прослеживается и статистически значимый когортный эффект. Таким образом, то обстоятельство, что пожилые люди в экономически развитых странах³ демонстрируют большую религиозность, чем молодые, в определённой степени связано и с секуляризационными процессами, интенсивно протекающими в этих странах [см., например: Инглхарт, Вельцель, 2011]. Однако возрастной эффект здесь всё-таки оказывается значительно сильнее когортного.

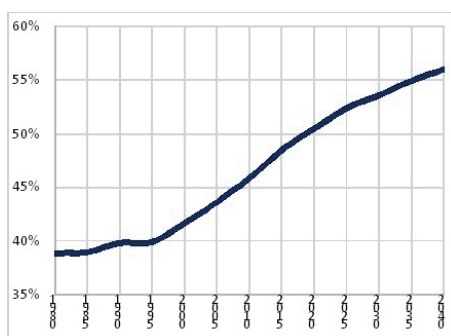
Из этого, кстати, вытекает один достаточно значимый вывод. Дело в том, что, как известно, в мире в настоящее время интенсивно протекают процессы глобального старения [см., например: Гринин, Коротав, 2015; Гринин и др., 2016; Bengston, Lowenstein, 2004; Higo, Khan, 2015; Powell, Khan, 2013, 2015; Goldstone, 2015; Goldstone et al., 2015; Grinin et al., 2017]. В результате этих процессов, согласно прогнозам Отдела народонаселения ООН, за 2010–2040 гг. доля пожилых в общей численности взрослого населения мира должна вырасти с менее чем трети почти до половины.

В свете сказанного выше, имеются основания предполагать, что процессы глобального старения населения могут привести к определённому замедлению глобального перехода от религиозных к секулярным ценностям⁴.

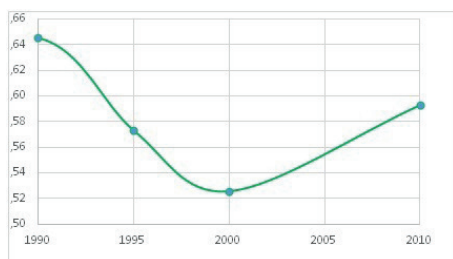
Как известно, процессы старения населения особенно далеко зашли в экономически наиболее развитых странах.

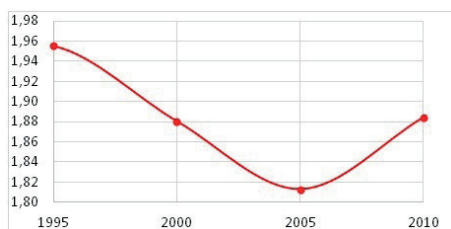
Илл. 1. Динамика доли пожилых (50 лет и более) в общей численности взрослого (20 лет и более) населения мира, %, 1965–2015 гг., с прогнозом до 2040 г.

Илл. 2. Динамика доли пожилых (50 лет и более) в общей численности взрослого (20 лет и более) населения экономически развитых стран, %, 1980–2015 гг., с прогнозом до 2040 г.

Илл. 3. Динамика средних значений ответов японцев на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», 1990–2010 гг.

Илл. 4. Динамика средних значений ответов японцев на вопрос «Насколько важна религия в Вашей жизни?», 1995–2010 гг.

Как мы видим, уже в настоящее время пожилые люди (50 лет и старше) составляют почти половину взрослого населения экономически развитых стран, а к 2040 году они составят там уже ошутимое большинство. Поэтому именно в экономически развитых странах старение населения может оказать особо заметное воздействие на замедление перехода от религиозных к секулярным ценностям и даже, возможно, привести к некоторому росту религиозности. Как известно, наиболее далеко процессы старения населения продвинулись в Японии [см., например: Chen et al., 2016], и отметим, возможно, не случайно, что именно в Японии по ряду важнейших показателей прослеживается смена секуляризационного тренда на некоторое возрождение средних значений религиозности.

Итак, как мы видим, имеются основания предполагать, что старение населения в развитых странах может замедлить там завершение перехода от религиозных к секулярным ценностям и даже привести к некоторому росту общего уровня религиозности населения.

Библиографический список

1. Гринин, Л.Е. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Кондратьевские волны. – 2015. – № 4. – С. 107–133.
2. Гринин, Л.Е. Глобальное старение населения, шестой кондратьевский цикл и кибернетическая революция / Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин, А.В. Коротаев // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 7. – С. 54–59.
3. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Венцель. – М.: Новое издательство, 2011.
4. Argue, A., Johnson, D.R., White, L.K. Age and religiosity: Evidence from a three-wave panel analysis / A. Argue, D.R. Johnson, L.K. White. – Journal for the Scientific Study of Religion. – 1999. – № 38 (3). – P. 423–435.
5. Bengtson, V.L. (Eds.) Global Ageing and Challenges to Families / V.L. Bengtson and A. Lowenstein. – New York: De Gruyter, 2004.
6. Bergan, A. Religiosity and life satisfaction / A. Bergan, & J.T. McConatha // Activities, Adaptation & Aging. – 2001. – № 24 (3). – P. 23–34.
7. Chen, B.K. Forecasting trends in disability in a super-aging society: Adapting the Future Elderly Model to Japan / B.K. Chen, H. Jalal, H. Hashimoto, S.C. Suen, K. Eggleston, M. Hurley, & J. Bhattacharya // The Journal of the Economics of Ageing. – 2016. – № 8. – P. 42–51.
8. Cox, H. Religiosity, aging, and life satisfaction / H. Cox, & A. Hammonds // Journal of Religion & Aging. – 1989. – № 5 (1–2). – P. 1–21.
9. Goldstone, J. Population Ageing and Global Economic Growth / J. Goldstone // History & Mathematics. – 2015. – № 5. – P. 147–155.
10. Goldstone, J. Research into Global Ageing and Its Consequences / J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev // History & Mathematics. – 2015. – № 5. – P. 5–9.
11. Grinin L. Forthcoming Kondratieff wave, Cybernetic Revolution, and global ageing / L. Grinin, A. Grinin, A. Korotayev // Technological Forecasting & Social Change. – 2017. – № 115. – P. 52–68.
12. Higo, M. Global Population Aging: Unequal Distribution of Risks in Later Life between Developed and Developing Countries / M. Higo, and T.A.H.Khan // Global Social Policy. – 2015. – № 15 (2). – P. 146–166.
13. Horning, S.M. Atheistic, agnostic, and religious older adults on well-being and coping behaviors / S.M. Horning, H.P. Davis, M. Stirrat, & R.E. Cornwell // Journal of Aging Studies. – 2011. – № 25 (2). – P. 177–188.
14. Krause, N. Religion and health: Making sense of a disheveled literature / N. Krause // Journal of Religion and Health. – 2011. – № 50 (1). – P. 20–35.
15. Levin, J.S. Age differences in patterns and correlates of the frequency of prayer / J.S. Levin, & R.J. Taylor // The Gerontologist. – 1997. – № 37 (1). – P. 75–88.
16. Levin, J.S. Race and gender differences in religiosity among older adults: Findings from four national surveys / J.S. Levin, R.J. Taylor, & L.M. Chatters // Journal of Gerontology. – 1994. – № 49 (3). – P. S137–S145.
17. Markides, K.S. Aging, religiosity, and adjustment: A longitudinal analysis / K.S. Markides // Journal of Gerontology. – 1983. – № 38 (5). – P. 621–625.

18. McFadden, S.H. Religion, personality, and aging: A life span perspective / S.H. McFadden // Journal of personality. – 1995. – № 67 (6). – P. 1081–1104.
19. Miller, A.S. On the stability of church attendance patterns during a time of demographic change: 1965–1988 / A.S. Miller, & T. Nakamura // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1996. – P. 275–284.
20. Moberg, D.O. Church membership and personal adjustment / D.O. Moberg // Journal of Gerontology. – 1953. – № 8. – P. 207–211.
21. Moberg, D.O. Research in spirituality, religion, and aging / D.O. Moberg // Journal of Gerontological Social Work. – 2005. – № 45. – P. 11–40.
22. Ploch, D.R. Graphic presentations of church attendance using General Social Survey data / D.R. Ploch, D.W. Hastings // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1994. – № 33. – P. 16–33.
23. Powell, J.L. Ageing and Globalization: A Global Analysis / J.L. Powell, and H.T.A. Khan // Journal of Globalization Studies. – 2013. – № 4 (1). – P. 150–159.
24. Powell, J.L. Ageing in Post-Industrial Society: Trends and Trajectories / J.L. Powell, H. Khan // History & Mathematics. – 2015. – № 5. – P. 156–166.
25. Riley, M.V. Aging and Society / M.V. Riley, A. Foner / Vol. I: An Inventory of Research Findings. – New York: Russell Sage, 1968.
26. Siegel, K. Religion and coping with health-related stress / K. Siegel, S.J. Anderman, & E.W. Schrimshaw // Psychology and Health. – 2001. – № 16 (6). – P. 631–653.
27. UN Population Division / UN Population Division Database. – New York, NY: UN Population Division, 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/esa/population>. Date (дата обращения): 04.05.2017).
28. Wang, K.Y. Aging and religious participation in late life / K.Y. Wang, K. Kercher, J.Y. Huang, K. Kosloski // Journal of religion and health. – 2014. – № 53 (5). – P. 1514–1528.
29. Wilhelm, M.O. Changes in religious giving reflect changes in involvement: Age and cohort effects in religious giving, secular giving, and attendance / M.O. Wilhelm, P.M. Rooney, E.R. Tempel // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2007. – № 46. – P. 217–232.
30. Wingrove, C. Age, aging, and church attendance / C. Wingrove, & J. P. Alston // The Gerontologist. – 1971. – № 11 (4 Part 1). – P. 356–358.
31. Wingrove, C. Cohort analysis of church attendance, 1939–69 / C. Wingrove, & J.P. Alston // Social Forces. – 1974. – № 53 (2). – P. 324–331.
32. Wink, P. Religious involvement and health outcomes in late adulthood / P. Wink, M. Dillon / In: T.G. Plante, A.C. Sherman (Eds.) // Faith and health: Psychological perspectives. – New York: Guilford Press, 2001. – P. 75–106.
33. Witter, R.A. Religion and subjective well-being in adulthood: A quantitative synthesis / R.A. Witter, W.A. Stock, M.A. Okun, & M.J. Haring // Review of Religious Research. – 1985. – P. 332–342.
34. WVS [World Values Survey] / Longitudinal Data File, 1981–1984.–Vienna: Institute for Comparative Survey Research, 2016 [Электронный ресурс]. . – URL: [WVS_Longitudinal_1981_2014_R_v2015_04_18.Rdata](http://www.icsi-research.org/WVS_Longitudinal_1981_2014_R_v2015_04_18.Rdata) (дата обращения: 04.08.2016).
35. Zimmer, Z. Spirituality, religiosity, aging and health in global perspective: A review / Z. Zimmer, C. Jagger, C.T. Chiu, M.B. Ofstedal, F. Rojo, & Y. Saito // SSM-Population Health. – 2016. – № 2. – P. 373–381.

Текст поступил в редакцию 02.08.2017.

¹ [World Values Survey, 2016].

² Примечание: в скобках указано p-value для коэффициентов.

³ Напомним, что нами были проанализированы эмпирические данные только по экономически развитым странам, поэтому, строго говоря, наши выводы можно пока распространять только на них. Для распространения их на другие группы стран необходимы дополнительные исследования.

⁴ О последнем см., например: [Инглхарт, Вельцель 2011].

References

1. Grinin L.E., Korotaev A.V. *Kondrat'evskie volny* [Kondratiev Waves]. 2015, no. 4, pp. 107–133 (in Russian).
2. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Issues of Theory and Practice of Management]. 2016, no. 7, pp. 54–59 (in Russian).

3. Inghart R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Changes and Democracy. The Sequence of Human Development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011 (in Russian).
4. Argue A., Johnson D.R., White L.K. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1999, no. 38 (3), pp. 423–435 (in English).
5. Bengtson V.L., Lowenstein A. (Eds.) *Global Ageing and Challenges to Families*. New York: De Gruyter, 2004 (in English).
6. Bergan A., McConatha J.T. *Activities, Adaptation & Aging*. 2001, no. 24 (3), pp. 23–34 (in English).
7. Chen B.K., Jalal H., Hashimoto H., Suen S.C., Eggleston K., Hurley M., Bhattacharya J. *The Journal of the Economics of Ageing*. 2016, no. 8, pp. 42–51 (in English).
8. Cox H., Hammonds A. *Journal of Religion & Aging*. 1989, no. 5 (1–2), pp. 1–21 (in English).
9. Goldstone J. *History & Mathematics*. 2015, no. 5, pp. 147–155 (in English).
10. Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. *History & Mathematics*. 2015, no. 5, pp. 5–9 (in English).
11. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. *Technological Forecasting & Social Change*. 2017, no. 115, pp. 52–68 (in English).
12. Higo M., Khan H.T.A. *Global Social Policy*. 2015, no. 15 (2), pp. 146–166 (in English).
13. Horning S.M., Davis H.P., Stirrat M., Cornwell R.E. *Journal of Aging Studies*. 2011, no. 25(2), pp. 177–188 (in English).
14. Krause N. *Journal of Religion and Health*. 2011, no. 50 (1), pp. 20–35 (in English).
15. Levin J.S., Taylor R.J. *The Gerontologist*. 1997, no. 37 (1), pp. 75–88 (in English).
16. Levin J.S., Taylor R.J., Chatters L.M. *Journal of Gerontology*. 1994, no. 49(3), pp. 137–145 (in English).
17. Markides K.S. *Journal of Gerontology*. 1983, no. 38 (5), pp. 621–625 (in English).
18. McFadden S.H. *Journal of personality*. 1995, no. 67 (6), pp. 1081–1104 (in English).
19. Miller A.S., Nakamura T. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1996, pp. 275–284 (in English).
20. Moberg D.O. *Journal of Gerontology*. 1953, no. 8, pp. 207–211 (in English).
21. Moberg D.O. *Journal of Gerontological Social Work*. 2005, no. 45, pp. 11–40 (in English).
22. Ploch D.R., Hastings D.W. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1994, no. 33, pp. 16–33 (in English).
23. Powell J.L., Khan H.T.A. *Journal of Globalization Studies*. 2013, no. 4 (1), pp. 150–159 (in English).
24. Powell J.L., Khan H. *History & Mathematics*. 2015, no. 5, pp. 156–166 (in English).
25. Riley M.V., Foner A. *Ageing and Society*. Vol. I: An Inventory of Research Findings. New York: Russell Sage, 1968 (in English).
26. Siegel K., Anderman S.J., Schrimshaw E.W. *Psychology and Health*. 2001, no. 16 (6), pp. 631–653 (in English).
27. *UN Population Division*. New York, NY: UN Population Division, 2017. Available at: <http://www.un.org/esa/population>. Date (accessed May 4, 2017) (in English).
28. Wang K.Y., Kercher K., Huang J.Y., Kosloski K. *Journal of Religion and Health*. 2014, no. 53(5), pp. 1514–1528 (in English).
29. Wilhelm M.O., Rooney P.M., Tempel E.R. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2007, no. 46, pp. 217–232 (in English).
30. Wingrove C., Alston J.P. *The Gerontologist*. 1971, no. 11 (4_Part_1), pp. 356–358 (in English).
31. Wingrove C., Alston J.P. *Social Forces*. 1974, no. 53 (2), pp. 324–331 (in English).
32. Wink P., Dillon M. *Faith and Health: Psychological Perspectives*. New York: Guilford Press, 2001, pp. 75–106 (in English).
33. Witte R.A., Stock W.A., Okun M.A., Haring M.J. Review of Religious Research. 1985, pp. 332–342 (in English).
34. *World Values Survey*. Longitudinal Data File, 1981–1984. Vienna: Institute for Comparative Survey Research, 2016. Available at: [WVS_Longitudinal_1981_2014_R_v2015_04_18.Rdata](http://www.worldvaluessurvey.org/WVS_Longitudinal_1981_2014_R_v2015_04_18.Rdata) (accessed May 4, 2017) (in English).
35. Zimmer Z., Jagger C., Chiu C.T., Ofstedal M.B., Rojo F., Saito Y. *SSM-Population Health*. 2016, no. 2, pp. 373–381 (in English).